

ЛЕВ
ГУРСКИЙ

Есть,
ГОСПОДИН
ПРЕЗИДЕНТ!

РОМАН

Лев Гурский

Есть, господин президент!

«WebKniga»

Гурский Л.

Есть, господин президент! / Л. Гурский — «WebKniga»,

Может ли средневековый манускрипт повлиять на исход президентских выборов в России начала двадцать первого столетия? Может, если создатель древней рукописи – знаменитый алхимик, проникший в суть вещей, а сочинитель романа обо всех этих событиях в нынешней Москве – Лев Гурский, автор популярных иронических триллеров «Перемена мест», «Траектория копья», «Никто, кроме президента» и других. Как и в предыдущих книгах Гурского, сюжет тут балансирует на грани реальности и вымысла, и неизвестно, чего больше. Как и прежде, книга населена множеством эпизодических героев; прототипы большинства из них всем известны, но меньшинство еще нуждается в расшифровке... Что же касается двух главных разнополых персонажей романа – специалистки по ресторанному бизнесу и ближайшего советника президента России, – то они будут с разных сторон, от страницы к странице, приближаться к разгадке. Однако главные тайны окажутся, конечно, скрыты вплоть до самого финала.

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть Первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лев Гурский

Есть, господин президент!

Человек есть то, что он ест.

Пифагор

Человек ест то, что он есть.

Ганнибал Лектер

Не делайте из еды культа.

И. В. Сталин

От автора

Автор считает своим долгом предупредить: все события, описанные в романе, от начала до конца вымышлены. Автор не несет никакой ответственности за возможные случайные совпадения имен, портретов, названий учреждений и населенных пунктов, а также какие-либо иные случаи непредсказуемого проникновения чистого вымысла в реальность.

Автор выражает глубокую благодарность автору «Маршрута гурмана» Сергею Белову (г. Новосибирск) и переводчику Льву Абрамову (г. Ашкелон, Израиль) – за ценные заочные консультации. Отдельное спасибо Валентине Богдановой (г. Саратов) и Фуксу (г. Москва) – за профессиональную помощь. Также благодарю Дороти Хаммер (г. Топика, штат Канзас, США), Ханну фон Браун (г. Вашингтон, округ Ко-ламбия, США) и, в особенности, Карла-Иоганна Булева (г. Дюссельдорф, Германия) – за эксклюзивные материалы из семейного архива.

Пролог

Великое герцогство Кессельштейн, спрятанное в уютном лесном карманчике между Германией и Люксембургом, никогда не было милитаристским государством. Наоборот: к началу XXI столетия вся армия Кессельштейна составляла дюжину гвардейцев, большинство из которых денно и нощно охраняли от экскурсантов старые двустворчатые ворота трехэтажного дворца Великого герцога.

Соблюдая традицию, охрана была обмундирована в пропахшие нафталином национальные костюмы, а именно – в черные барашковые шапки, похожие на выгоревшие стога сена, красные бархатные камзолы, шерстяные темно-зеленые брюки с розовыми галунами и скрипучие рыжие сапоги свиной кожи. Вооружалась гвардия музейными винтовками Манлихера – настолько древними, что винтовочные патроны были маркированы гербом давно не существующей Австро-Венгерской империи. К счастью, за последние полвека на жизнь Его Высочества Зигфрида фон Типпельскирна никто не покушался, как не покушались на его высокородных отца и деда. Потому и стрелять в кого-либо не было ни малейшей надобности.

Глава вооруженных сил Великого герцогства капитан гвардии Юрген Кунце, шестидесятипятилетний вдовец и единственный на всю округу воинский начальник, жил в особняке через дорогу от дворца, напротив главных ворот. Это обстоятельство позволяло капитану наблюдать за боеспособностью вверенных ему гвардейцев прямо со своей веранды. В понедельник 17 мая, безоблачным утром, которое впоследствии «Кессельштейнский курьер» назвал ужасным и скандальным (O, es war der wierkliche Skandal!), герр Кунце, как обычно, сидел на веранде, попивал поданный фрау Дитмар кофе со свежими сливками и время от времени посматривал на своих разноцветных солдат. Те доблестно отрабатывали жалование: трое дежурили у ворот, трое у полосатого шлагбаума и еще три человека – возле двух таких же зебровидных караульных домиков, смахивающих на собачьи будки.

Понедельник был день не экскурсионный. Случайных туристов, не знающих о том, предупреждали еще на границе Великого герцогства – за холмом, в полутора километрах отсюда, – плакат с грозным восклицательным «Halt!» и двое караульных, обученных переводу тормозящего слова на все основные языки мира.

Один день в неделю Кессельштейн считался государством, закрытым для посетителей. Вместе с признанием вечного нейтралитета суверенное право на один еженедельный выходной было даровано династии Типпельскирнов именным вердиктом императора Фридриха Великого. Не нарушалось оно ни разу – даже в 1944-м, когда танковая дивизия союзников, во исполнение приказа фельдмаршала Монтгомери, совершала обходной маневр. Благо танкисты подъехали к границе без пятнадцати минут вторник и ждали недолго.

– Фрау Дитмар... – начал герр Кунце, собираясь попросить еще чашечку кофе. Но тут его отвлекли странные звуки из-за холма.

Голос казенных «манлихеров» капитан гвардии слышал последний раз четырнадцать лет назад, во время салюта на похоронах двоюродного дяди нынешнего герцога, и потому узнал эти звуки не сразу.

Сперва капитану показалось, будто кто-то за холмом стал чрезвычайно громко ломать об колено сухой хворост, ветку за веткой. Лишь пару мгновений спустя до герра Кунце дошла ужасная правда. Серебряная ложечка вылетела из его кофейной чашки и звякнула где-то внизу, на брусчатой мостовой, а секунд через десять там же внизу оказался и капитан – потерянный, злой, готовый мчаться к месту происшествия. Однако в этом не было нужды: происшествие само выкатилось из-за холма. Оно имело вид нового «мерседеса» с тонированными стеклами, который, виляя, на приличной скорости несся к воротам замка. Следом за автомобилем со значительным отставанием бежали два пограничных гвардейца, сотрясая

воздух криками и пальбой из винтовок во все стороны света. Одна пуля с противным вжиком пролетела прямо над головой герра Кунце и помогла ему вспомнить устав караульной службы.

– Гвардия, в ружье! – заорал он охранникам шлагбаума и ворот. – Готовьсь, сукины дети! По колесам! Пли!

К последнему слову капитан прибавил энергичный взмах рукой. Что поделывать: гвардейцы Великого герцогства были староваты и глуховаты. Самому молодому в январе исполнилось пятьдесят.

Бах-бах-бах! Гвардия не подкачала. Почти одновременно грянуло штук шесть «манлихеров». Машинально капитан прикинул, что из десяти солдатских винтовок осеклось меньше половины: недурной результат для патронов, чьи капсюли произведены еще при Габсбургах. Будучи реалистом, герр Кунце не надеялся на большую меткость своих ветеранов, но кое-кто, представьте, даже попал.

Стеклянным дождем брызнула фара, грохнула на всю округу удачно простреленная шина. «Мерседес» с визгом завертелся по брусчатке, словно волк с подбитой охотником лапой, снес шлагбаум, уже боком протаранил одну из караульных будок – к счастью, пустую – и на скорости прибился капотом к стене замка.

В уши ввинтился мерзкий скрежет металла о камень. Стена замка, сложенная в середине пятнадцатого века каменщиками самого Бруно Однорукого, не дрогнула. Таким образом, первая в истории Великого герцогства автомобильная катастрофа завершилась без жертв – по крайней мере, из числа подданных Его Высочества. Что же до главного виновника аварии...

Когда два гвардейца вместе с прибежавшим из дома капитанским сыном Максом-Иозефом смогли наконец выбить перекошенную дверь «мерседеса» и вытащить водителя, герр Кунце сразу понял, что единственная в стране тюремная камера сегодня так и останется пустой. Дерзкий нарушитель многовековых традиций Великого герцогства, безумный ездок на «мерседесе» уже едва дышал.

Сгубило его, однако, не столкновение машины с каменной стеной: ремень безопасности оказался пристегнут, пневмоподушка сработала. И уже тем более ни при чем были выстрелы из караульных «манлихеров», не оставивших пробоин ни в лобовом, ни в боковом стеклах. Все свои три ранения – в грудь, в живот и в плечо – лысоватый и круглолицый обладатель белого клубного пиджака, шелковой бордовой косоворотки и синих теннисных гетр в обтяжку явно получил до того, как пересек границу Кессельштейна. Непонятно было, как он вообще мог вести машину в таком состоянии и почему до сих пор еще жив.

– Герр Кунце, мне звать доктора? – боязливо проговорила фрау Дитмар, свешиваясь с веранды. В руке она держала телефонную трубку.

Капитан кряхтя опустил на корточки, пощупал пульс раненого и вздохнул:

– Уже пастора, фрау Дитмар. И побыстрее.

– А что, если он вдруг мусульманин или, например, буддист? – поинтересовался дотошный Макс-Иозеф. Присев рядом с папой на корточки, он внимательно разглядывал лицо хозяина «мерседеса». – Может, надо сперва посмотреть его документы?

– Если он даже честный католик, мы ничем его не выручим, – сердито буркнул капитан. – Ты же знаешь, кроме преподобного отца Фриша у нас в герцогстве нет никого по этой части...

Тем не менее герр Кунце для порядка проверил карманы пиджака и нашел только сложенный вчетверо лист плотной бумаги. На паспорт или водительские права это никак не тянуло.

– Что там? – с любопытством спросил Макс-Иозеф, пока отец изучал находку, рассматривая лист и так и эдак.

– Не разберу... вроде по-латыни. На, сам читай. – Капитан сунул бумагу сыну. И, не удержавшись, ехидно прибавил: – Это ведь ты в нашей семье мастак по части иностранных языков.

Герр Кунце намекал на учебу сына в Гейдельбергском университете. Десять лет назад отпрыск бравого капитана успешно закончил факультет филологии, но, вместо того чтобы погрузиться в науку, внезапно увлекся мотоциклами. Связался с байкерами, стал раскатывать на своем фырчащем железе по всей Европе и, по расчетам безутешного отца, вскоре должен был сломать себе шею или, как минимум, сесть в тюрьму. Однако не случилось ни того, ни другого. Через пару лет блудный Макс-Йозеф возвратился на родину, где открыл небольшую мастерскую для «харлеев», «хонд» и прочего двухколесного металлолома. Хорошо еще университетские знания приносили кое-какую пользу. Во всяком случае сын капитана гвардии мог объясниться с любыми туристами, причем с некоторыми болтал довольно бойко. Наверное, о мотоциклах же.

В ту секунду, когда Макс-Йозеф взял в руки найденный лист, умирающий открыл глаза. Он с трудом сфокусировал взгляд на герре Кунце и почти беззвучно зашевелил губами. Капитан наклонил ухо к самому лицу человека из «мерседеса», чуть-чуть послушал. Затем отодвинулся, разочарованный.

– Ну-ка, сынок, поговори с ним сам, – скомандовал он. – Сдается мне, он по-нашему совсем ни черта не умеет.

– Ду ю спик инглиш? Парле ву франсе? – немедленно затараторил Макс-Йозеф, придвигаясь ближе.

Человек в белом пиджаке перевел мутнеющий взгляд с Кунце-старшего на Кунце-младшего, сморщился и тихо шепнул:

– Poshol na her, mudak!

После чего умер уже окончательно.

Часть Первая Бульон из намеков

Глава первая Канун вендетты (Яна)

– Брысь, Пульхерия! – сказала я и невежливо столкнула кошку на пол. – Тут и без тебя, сестричка, тесно. Сама разве не видишь? Ванна, раковина, стиральная машина, фен, шкафчик со склянками. Полным-полно вещей. Для флоры и фауны место не предусмотрено.

В прошлой жизни моя кошка была рыбкой. Или пожарником – одно из двух. Всякий раз, когда я наливаю воду в ванну, кошка прибегает и усаживается на край. И балансирует там, уставясь на блестящую водяную струю, до тех пор, пока я не поверну кран или не вытурю прочь незваную гостью. При этом о своей нынешней, то есть кошачьей, природе она не забывает и брезгливо поеживается всякий раз, когда брызги попадают ей на шкуру. Однако сидит.

– Мур, – огорчилась Пульхерия и ушла на кухню проверять свою пустую миску. Вдруг там за последние пять минут образовалось граммов триста свежего палтуса? Кошка моя, в принципе, всеядна и охотно лопает сухой корм. Но помечтать любит о высоком.

Пульхерия – имя благоприобретенное. Его нарастила я сама, для солидности. Когда эта рыже-бело-черная живность размером с крысеныша была подарена мне папочкой на новоселье, ее еще звали просто Пуля. Мой папа Ефим Григорьевич Штейн выудил самое дорогое ему слово из профессионального лексикона и отдал его кошке. Только не подумайте, что мой предок – егерь или снайпер. Он преферансист. Всю жизнь он отпаял в своем радиотехническом НИИ, получая копейки, и лишь теперь, после выхода на пенсию, стал зарабатывать более-менее нормальные деньги. В общем-то, папа намекал, что готов подарить мне в придачу к Пуле еще и столовый гарнитур, или навороченный ноутбук, или арендовать для меня катер на все лето, но я очень ласково эти благородные идеи отмела. Спасибо, папочка, не надо. Твоя спокойная старость нуждается в радостях жизни, которые стоят денег. А я девушка самостоятельная, самолюбивая и временами даже обеспеченная. Что захочу, куплю себе сама. На родительской шее я старалась не сидеть с юных лет, а сейчас не буду и подавно.

Я кинула в ванну щепотку красной ароматической соли с календулой, попробовала мизинцем воду и решила, что минуты через три температура будет как раз: не сварись, но и не замерзнешь.

И тут проснулся зараза телефон, лежащий между феном и шампунями. Дзынь-дзынь-дзынь – это, конечно же, Кусин. Нормальные люди с утра меня не дергают. Знают, что в гневе я бываю страшна. А вот Вадик иногда теряет чувство реальности. Он думает, если мы два года сидели за одной партой и разок-другой целовались в девятом классе, то теперь у него на меня эксклюзив. Большая ошибка.

– Да-а! – сказала я трубке.

– Привет, старушка! – жизнерадостно пробормотал Вадик. – У меня тут вечером прямой эфир, кнедлики с Ксан-Ксаньчем, и я хотел проконсультироваться...

– Здесь нет никакой старушки, – холодным гестаповским тоном оборвала его я. – Вы ошиблись номером.

Слабонервный профессор Плейшнер после таких слов схватился бы за сердце и кинулся жевать горстями цианистый калий. А толстокожий, как бегемотище, Вадик просто повесил трубку: решил, что и вправду ошибся. И быстренько набрал мой номер снова.

– Да-а! – сказала я тем же тоном.

– Ефимовна, ты, что ли? – спросил Вадик. Уже с некоторым сомнением.

– Нет, не я! – К своему прежнему гестапо я присовокупила еще ледяное презрение Снежной Королевы, которую некий болван вздумал угостить горячими пончиками.

И дала отбой. Будем надеяться, что у ведущего телепрограммы «Вкус» проснется природная соображалочка. Раньше как-никак Вадик был толковым дизайнером. В поп-звезды российской кулинарии он выбился не так давно. Мысль превратить домашнее хобби в доходный медиа-бизнес пришла к нему одновременно с кризисом отечественного дизайна.

Я села на край ванны и стала ждать, когда телефон прозвонит в третий раз. Больше минуты Кусин не выдержит. Хоть время засекай.

В принципе, все мужики поддаются дрессировке, когда им что-то надо. Вадиду, я догадываюсь, надо было сильно. Имидж великого телекулинара требовал непрерывной практической подпитки. А чтобы не уронить свой эфирный рейтинг, следовало еще тусоваться с полезными кадрами до упора и до упада. Из двух зол маэстро Кусин, понятно, выбрал большее, то есть тусовку, а зло меньшее все пытается свалить на мои плечи. Однако впрягаться в должность тайной советчицы Вадика и идти к нему на оклад я не собираюсь. Деньги я уважаю, но выше денег ценю свободу. К тому же на свободе я и зарабатываю больше – благо мои партнеры ведут себя цивилизно, не пытаюсь меня кинуть. Есть, конечно, исключения. За последний год их оказалось три. Причем два из них к сегодняшнему дню уже пострадали от собственной глупости и мелкой жадности.

Первый, мой несостоявшийся ухажер Сема Липатов, крупный отечественный предводитель тортов и пирожных, нанял меня выводить из штопора его «Сладкую сказку» – приют для будущих диабетиков. Липатов зря винил персонал в кражах: деньги улетали на ветер безо всякого воровства. Тамошние пекари, к примеру, зверски злоупотребляли сдобой, молотым миндалем и сахарной пудрой, отчего их фирменный струдель еженедельно сжирал бюджет, а не приумножал его. Когда же я за каких-то два дня урезала до нормы бизнес-план заведения и ввела в разумные рамки буйную фантазию кондитеров, скаредный Сема решил, что обещанные им пятьсот евро – больно жирно для барышни-консультантки. А потому явочным порядком ужал сумму вдвое. Я мягко возразила. Липатов меня послал. В итоге ему пришлось отвалить уже две тысячи евро санэпиднадзору который, подкравшись незаметно, выудил из главной кастрюли с заварным кремом огромный серый бульжник. За найденного там долого мыша с Семы бы, разумеется, содрали всю пятерку, но я проявила гуманность. Жертвовать мышинной жизнью ради бабок – не мой стиль. К тому же на идиш фамилия моя значит «камень», так что Семен Маркович должен был допетрить, по чьему конкретно желанию крем и бульжник встретились в одной кастрюле.

Другой отморозок, бывший телебосс Кеша Ленц, рухнул в московский ресторанный бизнес прямо с заоблачной верхотуры Останкинской башни и вдоволь наломал дров, пока добренькая Яна Ефимовна не взялась облегчить его участь – причем за смешной гонорар (на неофитах, я уверена, наживаться грех). По моей наводке Кеша попер из «Кассиопеи» косо-рукого Ржепу умеющего даже сочный стейк-портерхаус домучить до кондиций резиновой подметки. Свежая вакансия с моей же подачи была заполнена Бобой Вишневым, питерским гением яблочного пирога. Московский клиент стал слетаться на пирог, как плодовая мушка на патоку. Сборы подскочили раз в пять. После чего неблагодарная скотина Ленц увильнул от расплаты со мною: он, мол, так и так собирался заменить шеф-повара, и Яна Штейн здесь ни с какого бока. Знать он не знает Яну Штейн. Кто еще такая Яна Штейн? «Нарываетесь, Иннокентий Оттович», – честно предупредила я. «Гуляй, девочка», – отмахнулся Ленц, воображая, будто его телевизионные прихваты сработают и на новом месте. Как бы не так! Уже через сутки после этого разговора Ржепа подал в Арбитражный суд иск за незаконное расторжение контракта и, прицепившись к малозаметному пунктику 9.4, слупил

с Кеши по полной программе плюс моральный ущерб. Хозяин «Кассиопеи» догадался и без подсказки, какая именно гадина просветила юридически темного повара. По гражданскому праву у меня на юрфаке были только отличные оценки.

Третий мой обидчик, владелец популярного в Москве духана «Сулико», человек с простой грузинской фамилией Кочетков, еще не успел пожалеть о знакомстве со мной. Но он обязательно пожалеет уже сегодня, часа через два. В своей же собственной харчевне...

Телефон у меня под рукой неуверенно звенькнул. Не прошло и пятидесяти секунд.

– Да-а! – наимрачнейшим тоном сказала я.

– Извините за беспокойство, Яна Ефимовна может подойти? – услышала я почтительный голос. Вот такой Кусин мне нравился – скромный, тихий, знающий свой шесток.

– Может, Вадим Викторович, – снизошла я. – Уже на проводе. Ну, что у нас опять стряслось?

– Яна Ефимовна, дорогая! – Для надежности Вадик перешел на восьмимартовский тон. Мне почудилось, что из трубки на меня сейчас высыпятся дежурные дары Всемирного женского дня: чахлые мимозы в целлофане и коробка окаменевших ассорти. – Тысяча извинений, я бы не рискнул тревожить тебя до полудня, но вот обстоятельства... Ксан-Ксаныч только что из Праги, записал там второй чешский альбом, жаждет продлить ощущения... С пивом я уже утряс, мы пригоним к эфиру «Пилзнер урквелл», а вот с кнедликками я буквально лечу. Ксаныч, конь привередливый, желает такие же, как у Ворличека, а я, черт, запомнил его фирменную начинку...

Он, видите ли, запомнил, усмехнулась я про себя. Сказал бы честно, что не знает. С чешской кухней Вадик традиционно пролетал, как фанера над Пражским Градом. Он вовремя не просек, что народ, перекушав дальневосточной экзотики, потянется в Восточную Европу. Ну ладно, не буду терзать бедного Кусина. Да и вода в ванне уже стынет.

– Творог с черносливом, – милостиво обронила я. – И в тесто двадцать капель лимона. Все остальное – по шаблону.

– Ты золото, Яна Ефимовна! Ты великая женщина! Ты круче Елены Молоховец! – возликовал Вадик. И на радостях поступил неосторожно, прибавив свое обычное: – Как честный человек, я готов теперь на тебе жениться. Во!

Эта дурацкая хохма моего одноклассника всегда почему-то жутко меня раздражала. Ну смотри, Вадик, сам напросился. Два года за одной школьной партией приравниваются к году семейной жизни: ты знаешь у соседа все болевые точки.

– Ах, дорогой, – завздыхала я, – я бы пошла за тебя с радостью. Останавливает меня только одно: что, если наши дети умом пойдут не в маму, а в папу? Это ж будет катастрофа.

– По-твоему, я идиот? – искренне удивился Кусин.

– Вадик, любимый, – проворковала я, – а как назвать человека, который сделал однажды четыре ошибки в слове из пяти букв?

Сказала – и мягко притопила пальцем пупочку отбоя. Есть! Пусть мой бывший сосед по парте не шибко зарывается. Чтобы тебя боялись враги, надо и друзей постоянно держать в тонусе.

Отложив телефон, я повесила на крючок свой халатик с драконами и погрузилась наконец в теплые красные воды. Счастье не вечно, факт, но двадцать минут чистого блаженства у меня есть. Кайф... Я махнула рукой своему отражению над головой. Отражение безо всяких капризов повторило мой жест. Для тех, кто еще не знает: зеркальный потолок в ванной комнате – наилучшее лекарство от одиночества. Ты посмотрела вверх, и вас уже двое.

Подружку Яны из зеркала звали, естественно, Аня. Она тоже была высокой брюнеткой, любила водные процедуры, и каждое утро ей приходилось меня выслушивать. Очень терпеливо. Как и зеркальная Аня, я тоже могла похвастать довольно стройной фигурой, покатыми плечами, средней грудью, крупными зубами и кое-какими идеалами.

В пятнадцать лет, ежу понятно, я была идеалистом без берегов. В сорок пять – если дотяну до сорока пяти – обязательно стану прожженным разуверившимся циником с недоброй ухмылкой на губах. Но пока мне еще только тридцать два, я как-то ухитряюсь быть и той, и другой. Бархоткой и занозой. Золушкой и Атаманшей. Медом и дегтем в одном флаконе. Мой внутренний циник позволяет держать нос по ветру и считать наличные, а идеалист – из всех видов заработка выбирать тот, за который потом не будет стыдно.

Благодаря своему идеализму я после школы и подалась на юрфак. Вообразила, что старые бабищи Фемида с Немезидой очень нуждаются в компании девушки Яны для совместной борьбы за справедливость. Училась я на пятерки, распределилась в столичную прокуратуру и честно проносила новенький синий мундирчик с золотыми пуговицами два месяца и два дня. Затем идеалист внутри меня выиграл, требуя открыть дело против собственного шефа, а новорожденный циник тихо посоветовал убираться подобру-поздорову, пока глупую башку не оторвали. В итоге я приняла половинчатое решение: в колокола не ударила и в диссиденты не подалась, но ровно за час до ухода по собственному желанию распаралла – при четырех, между прочим, свидетелях! – руководящее лицо господина Кравченко И. П., первого зама прокурора г. Москвы. Забавно, что трое очевидцев подвига Яны Штейн потом отлавливали меня, жали руку и шепотом выражали солидарность. В четвертом свидетеле я, по-видимому, разбудила латентного мазохиста, и он, прежде ко мне равнодушный, вдруг начал проявлять интерес, посылать букеты и намекать на отношения. Сам же Измаил Петрович Кравченко взбрык мой стерпел и шума не поднял. Догадался, что самые глубокие царапины на носу все-таки лучше самого мелкого служебного расследования.

Мечты мои канули. Юношеский идеализм взял тайм-аут. За это время циник убедил меня в том, что борьба за справедливость в России приносит доход не столько поборникам закона, сколько деятелям типа Стеньки Разина. Да и тем недолго. Красный диплом и синий мундирчик я сохранила на память, однако юристом с тех пор не работала ни дня. Латинское слово «ргосигаге» я после раздумий перевела как «заботиться», решив проявлять заботу о себе. Пора было найти новое поприще вдаль от охраны порядка. И понадежней.

Выбор оказался небогат. Чем люди на Земле занимаются с начала времен? Рождаются, едят, умирают. Повивальной бабкой становиться я не хотела. Мрачный похоронный бизнес меня тоже не увлекал. Зато кулинария и гастрономия – дело другое. Даже отпетые романтики с идеалами любят покушать. Из семи смертных грехов чревоугодие, по-моему, вовсе не грех. Люди в поте лица своего добывают хлеб насущный, но редко им ограничиваются: к хлебу им требуются то икра, то фуа-гра, то красная рыба, то белые грибы. Огромный сказочный мир Большой Еды, край со своими замками, королями, ферзями и пешками, таит бездну возможностей для молодой девушки. Выйти в короли мешают правила игры? Пускай. Но кто мне запретит начать пешкой и выбиться в ферзи? Главное – не дать себя съесть на пути от второй горизонтали до восьмой...

– Не дрейфь, Анька, – обратилась я к своей потолочной подружке, – фигу им меня слопать. Яна Штейн – колбаса с мозгами, то есть почти змея. Ужалю и уползу.

Будь проблема в одних деньгах, умная девушка Яна еще бы хорошенько взвесила, идти на принцип или переждать. Но гада, который из-за трех копеек публично вытер об тебя ноги, я обязана наказать без проволочек. Знаю-знаю, хозяина «Сулико», деятеля еще первого бандитского призыва, трогать опасно. Поспешешь и подставишься – он тебя мизинцем размажет по стеночке. А промедлишь и стерпишь – твоя репутация, заработанная годами, псу под хвост. Что так дерьмо, что эдак. Надо рискнуть.

Авось не убьют, подумала я. Бандитская романтика сдохла и похоронена в XX веке. Ленц вон тоже грозился мне жуткими карами, вплоть до крайних мер. Я даже месяца два протаскала в сумочке полицейский шокер: думала, а вдруг Кеша и вправду пошлет по мою

душу киллера, какую-нибудь там белокурую бестию с прозрачными гляделками вагнеровского нибелунга? Фиг вам. Все ограничилось парой ночных звонков с пьяными матюками.

Что и следовало ожидать. У каждого из наших мачо, помимо широкой волосатой груди и больших бугристых мышц, есть еще крупные проблемы с арифметикой. Все их страшные угрозы надо аккуратно делить на десять. А уж их сладкие обещания – на все сто.

Глава вторая

Забег в ширину (Иван)

Размер имеет значение, если это размер твоего кабинета. Старые чиновные пердуны советской партзакваски грызлись за квадратные метры из чисто спортивного азарта, а вот молодым умникам вроде меня полезная площадь нужна под грядущие проекты, на дальнюю перспективу. Узкоглазый дед Кун-цзы как в воду глядел: мы живем в обалденно интересные времена. Никогда не поймешь, откуда подует ветер через пять минут и какая вещь пригодится завтра. Так что для экспромтов лучше заранее иметь богатый выбор про запас. Лично я стараюсь, чтобы все крайне важное или пока совсем неважное было спрятано от посторонних глаз, но в пределах досягаемости. Чтобы от идеи до реализации – всего две двери, четыре шага и шесть секунд. Протянул руку и достал.

На нашем этаже география всех кабинетов, кроме одного, вполне рутинная. Из коридора ты сразу попадаешь в предбанник с лопатообразным столом секретаря и тремя-четырьмя мягкими кожаными креслами для трудовых жоп посетителей. Из предбанника пафосная дверь – мореный дуб в центре, секвойя по краям, золотые гвозди вдоль периметра – ведет в парадный зал с раскатанным от порога красным шершавым языком ковровой дорожки. Которая длится-длится-длится и исчезает под гигантским, словно слоновый гроб, рабочим столом босса. За рабочим тронем того же босса имеется еще одна дверь, из нормального дерева. Дальше начинается приватная зона культуры и отдыха: сортир, душ, кладовая, фитнес-зальчик и обломовский диванчик.

Единый стандарт парадного зала нарушать нельзя, категорическое табу. Зато в служебных комнатах, для народа закрытых, ты можешь хозяйничать сколько влезет. У меня влезает видимо-невидимо.

Раньше мои апартаменты занимал советник по сельскому хозяйству. Судя по нынешнему состоянию дел на сельском фронте, советовал он какую-то ахинею. Потому, наверное, и продержался в кабинете рекордных пятнадцать лет – пока наконец не сменил чахлые родные озимые на вечнозеленые райские кущи. В наследство мне достались недурная финская сантехника, а заодно стеклянный шкаф, набитый восковыми муляжами овощей и пыльными снопами пшеницы элитных сортов. Шкаф я сразу освободил под детскую энциклопедию, однако ничего из прежнего содержимого не выкинул. Только переместил в самый дальний угол кладовки. Туда же я засунул свой старый гоночный велосипед, электрогитару с усилителем, прибабасы для дайвинга, белое кимоно, дюжину разноцветных клоунских носов, монашескую скуфью, картонную коробку с «Монополией», миниатюрную модель нефтевышки, двести томов разной макулатуры, включая Фому Аквинского, Железны и Кастанеду и еще мно-о-ого всего. Пока Ваня Щебнев не прибил к Администрации президента, увлечений у него было до хрена...

Где же, где же тот аттракциончик? По-моему, лежал в третьей.

Я прошел в свои закрома, отсчитал третью секцию от двери и, поднатужившись, снял с верхней полки тяжелый прямоугольный короб, завернутый в зеленую бархатную скатерть. Длинной он был метра полтора – как раз по ширине моего рабочего стола.

Громоздкую штуковину я еще пацаном увел из VIP-клуба «DVL», где почти месяц отпахал приходящим ди-джем на четверть ставки. Когда же мой срок там вышел, не хотелось уходить без подарка. В то время я еще знать не знал, на черта мне это чудо-юдо, но не поленился протащить его ночью сквозь полуподвальное оконце – единственное, куда хозяева клуба забыли всобачить сигнализацию. На меня, кстати, никто и не подумал: обманчивая внешность тихого мальчика-ангелочка опять выручила Ванюшу Спасибо маме с папой.

Попридержав левым плечом одну дверь, а правым коленом вторую, я выволок сверток в парадный зал. Осторожно сгрузил его на край стола, отдышался, медленно развернул зеленую скатерть. Память не подвела — дорожек было именно четыре, по числу моих кандидатов. Я смахнул пыль, проверил герметичность приемных лотков и нашел плексиглазовые заборала в идеальном состоянии. Ни трещины, ни даже царапины. Электрохозяйство тоже заработало, едва я воткнул евровилку в сеть и пощелкал тумблерами настройки. Полная стартовая иллюминация включалась после заполнения всех боксов, финишная — по достижению кем-нибудь конечной цели.

Отлично, можно приступать. Только сперва удостоверюсь, что никто меня не дернет по ходу процесса. Кадровый вопрос суеты не терпит. Я специально расчистил себе утро от любых срочных дел.

Указательным пальцем я тронул чуткую кнопку селектора.

— Слушаю вас, Иван Николаевич, — уже через секунду откликнулся мягкий женский голос.

Свою секретаршу Софью Худякову я разыскал в Мосэнерго, долго обхаживал, уламывал, сулил горы золотые, но победил, как всегда, личным обаянием. Два года назад Софья Андреевна разменяла полтинник. Муж ее умер, взрослый сын с женой и внучка-школьница живут отдельно, так что никто не мешает ей заботиться о шефе без выходных и отпусков. От юных смазливых девок, которых сажают на секретарский оклад мои коллеги, такой самоотверженности не дождешься, куда там! Для этих вкалывать ежедневно — тощица зеленая. Охи-вздохи, хиханьки-хаханьки, ручки-ножки-огуречик. В их понимании работать головой — значит, заниматься оральным сексом. В остальном же у них самый низкий в мире КПД — как у паровоза братьев Черепановых. Нет уж, дамы и господа, извольте отделять зерна от мух. Служба службой, а койки врозь. Чешется? Чешите в другом месте. На Западе за этим бдят строжайше, и лишь у нас смотрят сквозь пальцы. Потому-то в России тыщу лет порядка нет, что в начальство лезет одна шваль с яйцами вместо мозгов...

— Софья Андреевна, голубушка, — сказал я, — у меня там в приемной случайно никого нет?

— Никого, кроме Погодина, — ответила секретарша. — Вы ему назначили на одиннадцать тридцать, но он явился за час. Я ему говорю: Иван Николаевич очень занят, просил не беспокоить. А он мне: вдруг у Ивана Николаевича будет пораньше для него окно?

— Пусть даже не мечтает, — разозлился я. Из всех проектов, придуманных не мной и отданных мне в разработку, трибун Тима Погодин был самым бестолковым. — Так, слово в слово, ему и передайте: пусть и не мечтает. Скажите, приму его в половине двенадцатого, ни секундой раньше. А чтоб зазря не сидел, суньте ему в руки какой-нибудь журнал. Только не глянецовый, упаси боже, это добьет его психику. Есть там у нас «Юный техник» или «Моделлист-конструктор»?

— Найдём, — пообещала мне Софья Андреевна, и я отключился. Все. Теперь двадцать минут меня нет ни для кого, кроме четверки членистоногих, сегодняшних моих советников по кадрам.

Из верхнего ящика стола я извлек жестяную коробку, побарабанил двумя пальцами по крышке, приложил ухо и уловил внутри шелест и недовольное шевеление. Потерпите, детки, папочка уже с вами.

— «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, — вслух процитировал я, глядя на коробку, — Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое...»

Кафка ложь, да в ней намек. А намек — первый шаг навстречу истине. Я осторожно приоткрыл коробку, двумя пальцами поймал первого из будущих чемпионов по бегу и пересадил его в лоток с цифрой «1». Первый ткнулся в плексиглас черным блестящим задом.

Развернулся. Осмотрелся. Тревожно затрепетал усами. Сразу стало ясно, что это у нас будет Никандров.

Второго усатика, чуть помельче, я отправил в соседний лоток. Усатик обежал свой загон, присмотрелся к новой обстановке и тут же насрал в двух местах. Ага, это Васютинский.

Третий чемпион, прежде чем я его водворил на стартовую позицию, долго выскальзывал у меня из пальцев, а потом едва не провалился в щель между деревянным барьером и лотком. Сычев. Кто же еще?

Последнего черного бегуна без особых примет я нарек Титкиным – по остаточному принципу. Теперь все в сборе. Четыре лампочки над боксами демонстрируют готовность к старту. Можно трогаться.

Кое-кто считает, будто бы в состязаниях такого рода достойны принимать участие одни лишь крупные приезжие экземпляры из теплых мест, вроде острова Мадагаскар. Это абсолютная чепуха, притом вредная. У меня широкие взгляды на миграцию, я не против гастарбайтеров – но там, где без них никак не обойтись. Во всех же иных областях надо шире использовать представителей титульной нации. Африка нам не нужна. Наши черные тараканы вида *blatta orientalis* достигают в длину трех сантиметров и прекрасно годятся как для спринта, так и для стипль-чеза. А если кто из них, по русскому обычаю, вздумает сачкануть на старте, пусть имеет в виду: к жестяному покрытию дорожек подключен реостат. Даешь слабенький ток – и лодырь мигом заряжается энергией.

– Готовы, орлы? – спросил я у чемпионов.

Те своим молчанием выразили дружное согласие.

Ну, с богом, поскакали! Стартовые лампочки мигнули и угасли. Одновременно распахнулись прозрачные дверцы четырех лотков. Четверка кандидатов на приз имени меня, перебирая лапками, покинула загончики. Чтобы таракаша не засиделась на одном месте, я сразу подстегнул их активность легким электрическим импульсом и стал наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Как известно, истертое выражение «тараканья бега» – метафора. Речь идет в лучшем случае о быстрой ходьбе. Даже самые прыткие из насекомых отличаются от гончих псов или лошадей гораздо большей осмотрительностью. Мчаться сломя голову – дураков нет. За многие миллионы лет эволюции таракан приучился никому не верить, но не бунтовать без крайней нужды, чуют свою выгоду, однако не лезть ради нее на рожон. Идеальный электорат. Ближе всего к такому идеалу подступили только китайцы...

Та-а-а-ак, пошли, пошли мои рысаки! В первые тридцать секунд в лидеры вырвался Никандров. Сычев же, наоборот, дал маху: он увлекся обследованием беговой дорожки, порскнул вправо-влево и уступил фавориту два корпуса. Титкин, темная лошадка, уверенно претендовал на серебро, а вот Васютинский, оказавшийся в хвосте, не столько двигался к финишу сколько трудолюбиво помечал какашками пройденный путь.

Значит, лидирует у нас пока номер первый, за ним четвертый, потом третий, замыкает второй. Если дальше все пойдет в таком духе, расклад не изменится. Хотя могут быть подвижки. Скажем, первенство в итоге отойдет Титкину или даже... Нет, вы только посмотрите!.. Ну надо же... Ай да Васютинский, ай да молодец!

Не переставая какать на ходу кандидат под номером два сумел-таки собраться и резко прибавить скорость. Он влегкую обставил любознательного третьего, на раз уделал четвертого и стал отвоевывать у фаворита миллиметр за миллиметром.

Прыткость номера третьего заразила Титкина, обиженного на превратность судьбы. Внутри у него сработал переключатель скорости: с прогулочного шага номер четыре перешел на деловую ходьбу – словно денди, боящийся опоздать на файв-о-клок.

Меньше всего шансов было теперь у Сычева, чьи усики шевелились далеко позади всей команды. Больше всего – по-прежнему у Никандрова. Он все равно мог бы пересечь заветную черту раньше любого из кандидатов, если бы не снижал темпа. Если бы... Но он вдруг замер, сделал круг на месте и с прежней скоростью двинулся обратно. Куда?! Куда пошел, дурашка? Матерь божья, да он забыл, где перед и где зад! Диагноз: приступ амнезии в ответственный момент. И у тараканов бывают стрессы. Прощай, золото.

Финишная лампочка вспыхнула, и в чемпионский отсек первым свалился сегодняшней победитель – наш засранец. Денди Титкин подтвердил свое второе место, упав следом. Сычеву досталась бронза, а Никандрову – ничего. Фаворит, застрявший на беговой дорожке, превратился в аутсайдера. Такова спортивная жизнь.

– Победителем соревнования объявляется Васютинский Валентин Александрович, – торжественно сказал я. – Он и получает призовое пиво.

Из бутылки с «будвайзером» я отлил немного в крышечку из-под майонеза и поставил перед засранцем, который моментально скакнул вглубь пива всеми лапками и усиками. Что с ними поделаешь – плебс. Охлос. Культура потребления на нуле.

Я уселся в кресло и занялся дыхательной гимнастикой: она всегда помогает мне перед Важным Звонком. Перво-наперво я собрал губы в трубочку и медленно выпустил воздух из легких. Затем быстро вдохнул через нос. Третий шаг – резко выдохнуть воздух через рот, как можно ниже в диафрагме. Теперь мне остается задержать дыхание и втянуть живот, мысленно считая до десяти...

Готово. В голове значительно посветлело. Я вернул себе воздух и скорчил государственную рожу. После чего поднял трубку самого главного на столе телефонного аппарата – белого, с аляповатым золотым гербом на месте наборного диска. В нашем коридоре обычными вертушками АТС-1 и АТС-2 никого не сразишь, эка невидаль. Но только в кабинете Ивана Николаевича Щебнева подключена линия АТС-зего для прямой связи с президентом.

– Ваня, привет, – услышал я голос главы государства. – Вы там определились наконец по Прибайкальскому краю?

– Доброе утро, Павел Петрович. – С нашим президентом следует говорить без подобострастия, но и без фамильярности. Искусством золотой середины я овладел лучше многих. – Да, я потому вам и звоню. Кандидатура нового губернатора уже ясна. Никандров.

Еще до начала забега я твердо решил отдать должность аутсайдеру гонок. Фавориту хватит и пива. Чересчур прыткие нам не надобны.

– Никандров? – с удивлением переспросил президент. – Вы не ошиблись, Ваня? Мне-то он показался слегка заторможенным.

Глава государства обычно доверял моим советам. Просто в спорных случаях ему хотелось от меня еще и внятных аргументов. Это мы завсегда пожалуйста. Даже международную обстановку приплетем.

– Уверен на все сто, Павел Петрович, – ответил я, искоса поглядывая на номера первого. Таракан все ползал по дорожке то взад, то вперед, явно переживая острый кризис самооценки. – Я внимательно просмотрел его личное дело. Он человек ищущий, но не склонный к поспешным решениям. У них там в крае при губернаторе Назаренко такого нарубили с плеча, что щепки разгрести придется медленно и осторожно. Эта задача как раз для Никандрова. Тем более сейчас, когда у северных корейцев напряженка.

В трубке помолчали – секунду, другую, третью. Президент раздумывал над моими словами, и я его тактично не торопил.

– Ну хорошо, Ваня, – услышал я наконец. – Полагаюсь на ваш выбор. Кадровую ситуацию на местах вы знаете все-таки лучше меня. Готовьте представление на Никандрова, я подпишу.

«Есть, господин президент!» – мысленно проговорил я, нахлобучивая белую трубку на двойную плешь золотого гербового орла. Еще одной головной болью меньше.

Счастье, что прежнюю канитель с выборами губернаторов мы заменили четкой системой назначений. Пусть себе демократы воют о произволе власти, плевать. Народовластие – игрушка не для России. Нашего чпокнутого богоносца к избирательным урнам надо подпускать как можно реже. В идеале – раз в десять лет. Чуть зазеваешься – и эти козлы тут же норовят выбрать какого-нибудь ваххабита, педераста или, прости господи, эстрадного певца.

Я сложил тараканов обратно в жестяную коробочку. По-хорошему надо бы выпустить их на волю – больше они мне не пригодятся. Метод проб и ошибок подвел меня к главному принципу в работе с регионами: широкая веерность подходов. Губернаторский корпус ни в коем случае нельзя формировать одинаковым способом. Хватит, я обжегся на том гнусном волнистом попугайчике. Казалось бы, выборщик взят от фонаря, подкуп исключен, процедура элементарна, сбоев быть не должно. И что в результате? Три раза подряд этот паршивец тянул карточки с именами и трижды вытягивал людей из команды бывшего московского мэра! Невезуха. Кому теперь докажешь, что это не хитрая акция Кремля, а происки безмозглой птицы?

Нет уж, никаких штампов, никакой предсказуемости. Теперь каждый раз меняем тактику. Я обеспечиваю процесс, а дальше за меня работает Провидение – или что там есть над нами. Все кандидаты, понятно, мной заранее просвечены с головы до пят, но итоговый выбор я от себя отвожу. Случись что не так, не желаю чувствовать себя дураком. Пусть дураком будет Провидение. В прошлый раз у меня окунь заглатывал одну наживку из четырех, в позапрошлый я запекал бумажки с номерами в китайские печенья, в будущем я хочу попробовать пасьянс или орлянку. Еще можно поэкспериментировать с календарем, с Розой ветров, с курсами валют...

Ласково застрекотал внутренний телефон. Это Софья Андреевна.

– Иван Николаевич, полдвенадцатого, – напомнила секретарша.

Черт, я совсем забыл про Погодина! Хочешь не хочешь, но работать мне придется именно с ним. Хотя я бы охотнее предпочел Тиме выводок тараканов. Ей-богу, даже мадагаскарских готов стерпеть.

Глава третья Луковый суд (Яна)

Мечь хозяйину «Сулико» я готовила две недели и сложностей хотела избежать. Чем заковыристей конструкции, тем чаще ломаются. Ничего лишнего. Один точечный удар – чтоб долго не оправился.

Только не понимайте буквально слово «удар». У меня в мыслях не было физически бить мерзавца, не настолько я камикадзе. Правда, основы рукопашного боя я изучала в секции при юрфаке и даже с первого раза сдала зачет по болевым приемам великому Гальперину. Но оставим мордобой мужикам – не моя это стихия.

Массивного, словно мясницкая колода, господина Кочеткова на прием все равно не возьмешь. Поэтому сегодня мне понадобятся другие навыки.

Сдвинув дверь шкафа-купе, я оглядела его полки, где был заранее приготовлен весь теперешний инвентарь. На болванке из папье-маше ждал своего часа белокурый парик. Поодаль в особой кюветке плавали две голубые контактные линзы. Хорошо выглаженное бледно-розовое платье с форменной буквой «С» где-то в районе пупка я еще с вечера упаковала в прозрачный полиэтиленовый пакет, который теперь лежал левее парика. Рядом, на отдельном металлическом подносике, были разложены перочинный ножик длиной в полпальца, таких же размеров бельгийский навесной замочек и крупная вареная луковица в пластиковом стаканчике – второе по значимости мое оружие на сегодня. Оружие номер один я не собиралась хранить в шкафу: оно, по моим расчетам, должно было явиться к месту назначения само и притом с пышным эскортом.

Надо, кстати, проверить, не напутала ли я в датах. Выйдет глупо, если эта мортира вовремя не бабахнет.

Я вернулась к себе в спальню, где на экране включенного ноутбука резвились виртуальные рыбки. Одним мановением «эскейпа» убрала аквариум с глаз долой и вошла в Интернет. Давным-давно в одной далекой галактике люди черпали информацию из газет. Потом радио и телеящик за каких-то полвека вытеснили с поля печатную прессу. А теперь уже всемирная Сеть сбросила с корабля современности и газеты, и радио, и телек, и даже говорливых бабулек у подъезда. Большая Доска Объявлений перевесила тысячу малых дацзыбао. Хотя некоторые мои земляки все еще слушают «Эхо столицы». В основном это тетки, по привычке влюбленные в директора «Эха» Волосевича.

Тэ-эк-с, поглядим. С тех пор как я вылезла из ванной, на сайт «Пестрой ленты» успели приехать еще воз и маленькая тележка свежих новостей. В Пхеньяне безрезультатно завершились переговоры генсека ООН Козицкого с Ким Чен Иром. Обе стороны с уважением выслушали друг друга и остались при своих мнениях насчет ядерной безопасности в регионе. Кима фиг переубедишь, кто бы сомневался... В Северном море ураган перевернул норвежский сейнер. На Эвересте лавиной отрезало двух наших альпинистов. Из зоопарка в Джексонвилле сбежал орангутанг и похитил фермершу семидесяти лет. Лучше поздно, чем никогда... Курс иены подрос на четыре пункта. Курс евро упал на один. Президент России принял в Кремле Карлоса Сантану и имел с ним продолжительную беседу... Дуэтом они пели там, что ли?.. ВЦИОМ зафиксировал снижение рейтинга партии «Почва». Знаменитый кинорежиссер Оболенцев приступил к съемкам блокбастера «Александр Невский – 2». Бородатая афроамериканка получила в США премию «Альтернативная Мисс Мира»... Не то, все не то, проматываем вниз, ближе к московской хронике... Сгорела скупка на Маросейке, в арт-галерее Мурата Сайдарова на Гоголевском открылась выставка зубных протезов, у вице-спикера Мосгордумы сперли барсетку... А-а, вот же оно, наконец: отмечает круглую дату бизнесмен и меценат, гендиректор преуспевающей российско-французской компании «Ле

Гранж» Юрий Валентинович Грандов. По данным из осведомленных источников, меценат отпразднует юбилей в «Метрополисе» – в кругу друзей и близких. Скромно и со вкусом. Да-да-да. Вашим тонким вкусом, дорогой Юрий Валентинович, мы и зарядим главный калибр.

В новостной службе «Пестрой ленты» собрались толковые ребята. Но пара нюансов остались за бортом. Всего пять лет назад бизнесмен, благотворитель, друг детей, гордость нации и прочее был известен в узких кругах как Гуля Останкинский. Среди столичных мордovorотов он славился разборчивостью в еде и буйным нравом. Надеюсь, за минувшую пятилетку он обоих качеств не растерял. Ужинать Гуля будет и впрямь в «Метрополисе», а вот праздничный обед ему подадут... угадайте, где? Именно!

Духан «Сулико», он же ресторан «Sulico International», располагался в цоколе старого четырехэтажного здания на углу Большой Якиманки и Хвостова переуллка, примерно в квартале от французского посольства и метрах в десяти от самого, наверное, популярного дома на здешнем перекрестке – салона связи. Во всяком случае, из тех, кто одновременно со мной вышел со станции «Октябрьская» и свернул направо, более трети граждан четко двинулись к желтому дому с синей вывеской. Остальные миновали перекресток и устремились дальше. Духан господина Кочеткова, несмотря на яркие двери в стиле Пиросмани и вкусно расписанный фасад, не заинтересовал никого, кроме меня.

Вот что значит безмозглая ценовая политика, мысленно отметила я. Говорила же я ему! Когда хочешь накрутить двести процентов прибыли вместо нормальных двадцати, обычно имеешь кукиш с маслом. Потомственный ресторатор Тенгиз Авалиани, прежний хозяин заведения, держал с полдюжины фирменных блюд для любителей шикануть, однако остальное меню было демократичным. Рядовой житель столицы мог забежать сюда пообедать, не рискуя оставить ползарплаты. Каких-то десять месяцев назад большая двухсотграммовая порция лобио с кинзой и взбитыми яйцами – еще по рецепту бабушки Тенгиза – стоила в «Сулико» четыре евро, а теперь уже сорок. Кавказцы – народ широкий и не мелочный. Но процент клинических идиотов, готовых переплачивать вдесятеро, среди них такой же, как и в среднем по Москве.

Пока господин Кочетков ухитряется выживать по инерции, за счет былой славы «Сулико» или вип-персон, вроде нынешнего юбиляра. Но даже этот сегмент рынка я постараюсь сегодня отсечь ему надолго.

Помахивая сумочкой, я лениво профланировала мимо дверного Пиросмани и метров через пять по-воровски шмыгнула в узенькую арку между домами. Идти напролом через центральный вход было опрометчиво. Да и неудобно путаться под ногами гостей: судя по порыву ветра и визгу тормозов у меня за спиной, к главному подъезду только что подкатил кортеж мецената Грандова. Три тяжелых лимузина, никак не меньше. Если Гуля постоянен в своих слабостях, то это пятиметровые «даймлеры» цвета спелых баклажанов. Но пусть будут хоть «запорожцы» цвета недоваренной овсянки – не в машинах суть. Важно, что мы с клиентом прибыли ноздря в ноздрю. На церемонию приветствия и на процедуру рассаживания дадим минут семь. Значит, у меня есть около пяти.

Половину внутреннего двора занимали высокие металлические контейнеры для мусора. При Авалиани их было два, новый хозяин приказал добавить еще полдесятка – чтобы пореже вывозить отходы и, стало быть, поменьше тратиться. А когда я напомнила ему про запах, то услышала в ответ: до ресторанного зала вонь не дойдет, а персонал перетопчется. Кому не нравится, может валить отсюда.

Что ж, это свинство сейчас мне на руку. За баррикадой из контейнеров можно незаметно переодеться. Сорок пять секунд – и я уже не Яна Штейн, но безымянная работница духана «Сулико» в форменном платье. Голубоглазой и светловолосой я, кстати, сделалась еще дома. Господин Кочетков брал официанток только с таким экстерьером, считая, что

они понравятся южным гостям. А поскольку текучесть кадров стала высокой, хозяин вскоре перестал различать девушек. Щипать их за попки он мог не глядя...

Так, теперь мне нужно попасть внутрь. Закрыто? Чепуха. За месяц, пока я консультировала «Сулико», я излазила тут все вдоль и поперек. В отчете, кроме ЦУ по поводу меню и разброса цен, я еще высказала пару мыслей об эргономике рабочих мест, планировке внутренних помещений и системе безопасности. К примеру, посоветовала укрепить служебную дверь и врезать нормальный замок: этот можно вскрыть простым сувенирным ножиком-брелоком ценой в двадцать рублей пятьдесят копеек. Таким, как сейчас у меня в руке. Жмот проигнорировал мой совет? Сам виноват.

Всего через минуту я очутилась в знакомом коридоре, темноватом и тесноватом – два человека средней комплекции еле-еле разойдутся впритирку. Слева у нас жар кухни, справа шумок банкетного зала, посередине чуланчик, который не запирался раньше и не запирается поныне. Внутри там, конечно, рай для старьевщика: ржавые скребки, гнутые ломы, пыльные мешки. Кресло о трех ногах, вместо четвертой – покрытая плесенью стопа «Огоньков» и обернутая в желтую засаленную газету пухлая книга (видимо, это «Маркс и Энгельс о вкусной и здоровой пище», прижизненное издание с картинками). На стене керосиновая лампа в седой паутине, на полу гора железных тарелок – дивизию хватит вооружить. Ай-яй-яй! Авалиани бы меня послушался. Я ведь рекомендовала совсем простые вещи. Никому не нужный чулан ликвидировать, добавить везде светильников или, того лучше, сам коридор прорубить пошире. Иначе когда-нибудь выйдет так, что официантка с заказом, пробираясь из кухни в зал, случайно оступится, случайно наткнется лбом на стену, случайно не удержит подноса...

– Ой! – пискнула незнакомая официантка, которая вышла из кухни, запнулась о мою выставленную ногу и въехала лбом в стену.

Фирменный заказ для Юрия Валентиновича Грандова, жаренный на углях кебаб из говядины с сочными луковыми кольцами по краям блюда, мог оказаться на полу. Но разве блондинка оставит в беде другую блондинку? Никогда. Я великодушно, чисто по-сестрински, перехватила поднос одной рукой. А неуклюжей товарке задала новое направление: легким пинком колена пониже спины. Шахматист назвал бы это рокировкой, поэт Пушкин – переменной мест. Был чулан нежилым помещением, стал жилым. И чтоб не обезлюдел снова, я свободной рукой приладила навесной замочек. Извини, милая.

Теперь надо произвести кое-какую замену на тарелке с кебабом для Гули. Это не по правилам гастрономии, но последние шесть недель правила тут вообще не котируются. Горячее мясное подавать сразу, без увертюры из холодных закусок, – надо ведь додуматься до такой ереси! Из двадцати пяти моих рекомендаций хозяин «Сулико» исполнил пять, а не заплатил ни за одну. Да еще имел наглость объявить во всеуслышание, будто на всякую ученую хрень тратиться не намерен и слухи о моих талантах сильно преувеличены. Сукины дети вроде господина Кочеткова ужасно не любят, когда их считают банальными скрягами. Под свое крохоборство эти норовят подвести базу. Они, понимаешь, не кидают, о нет, они воспитывают, они на-ка-зы-ва-ют рублем! Ну ладно, соблюдем баланс. Раз наказание уже состоялось, у меня есть право на небольшое преступление.

Я вступила в банкетный зал, держа поднос перед собой. По сравнению с коридором здесь было очень светло, благо дневное солнце не требовало капвложений и не стоило ни копейки из кассы. Кремовые шторы на окнах хоть и приглушали лучи, но пропускали их в достатке. Главный стол в виде буквы «П» сверкал бокалами, притягивал хирургической белизной скатерти и салфеток, серебрился шампанскими ведерками. Голоса гостей, шарканье их подошв, шорох освобождаемых галстуков, звяканье наполняемых рюмок – все это сливалось в тихое монотонное «ж-ж-ж-ж-ж». Оркестрик в дальнем углу наигрывал «Сулико» в четверть силы, не стараясь быть услышанным. Хозяин, и тут верный себе, нанял самых

дешевых лабухов, каких мог отыскать в Москве. Рассудил, что за музыкой люди ходят в филармонию, а не в духан.

Тонкий гурман Гуля Останкинский, цветом и шириной лица похожий на индейского вождя, занимал один всю короткую перекладину буквы «П». Многочисленную свиту, семью и охрану рассадили ошую и одесную благодетеля. Господин Кочетков, несмотря на комплекцию, мотыльком порхал вокруг дорогого гостя – сам был и метрдотелем, и сомелье, и тамадой, и на голове бы постоял, кабы умел. Заприметив меня в дверях, он сделал нетерпеливый жест рукой: мол, давай-давай, неси по-быстрому царь трапезничать желает.

Я ничуть не боялась, что буду узнана. Парик и контактные линзы, конечно, меняют внешность, но главной моей шапкой-невидимкой стал благоухающий кебаб. Он притягивал. Он фокусировал внимание. Он был героем дня. Официанток принято замечать не до, а после обеда. Однако я не собиралась задерживаться здесь так долго.

Едва блюдо с едой достигло стола, как юбиляр подхватил, не мешкая, деревянный шампур, вгрызся в мясо. Прожевал, довольно заворчал, близоруко поддел вилкой луковое колечко, сунул в рот и...

Вот она, кульминация. Скоро грянет развязка. Пей вино, Гертруда.

Я тихонько отступила поближе к дверям. Всегда хочется и спектакль досмотреть, и за шубой в гардероб не стоять. Вряд ли сегодня за мной отрядят погоню: хозяину и гостю надолго хватит друг друга. Но лучше улизнуть при первых аплодисментах.

По красному индейскому лицу Юрия Валентиновича Грандова за каких-то три секунды пронесся целый алфавит разнообразных эмоций. «А» – антипатия, «Б» – беспокойство, «В» – волнение, «Г» – гадливость, и так далее по списку, вплоть до финальной буквы «Я» в квадрате – ярчайшей ярости.

– Ты типа чего?! – рявкнул меценат и благотворитель, сплевывая на стол. – Ты, мудака, типа издеваться меня сюда позвал?!

В зале повисло гробовое молчание. Сразу стало слышно, как оркестрик в углу вместо фирменной мелодии лениво наигрывает битловский «Хей, Джуд» и при этом немилосердно фальшивит.

Ничего не понимающий господин Кочетков тревожно забегал глазами в разные стороны, еще воображая, что утробный рык гостя относится вовсе не к нему, а к иному-любому-другому мудаку, посмевавшему нарушить торжество. Я дождалась, пока взгляд хозяина доберется до моей персоны, и немедля отправила ему в ответ сладкий воздушный поцелуй. А чтоб он не усомнился, кому именно обязан, я чуть подвинула на затылок свой блондинистый парик. Яна Штейн – дама пик. Ее масть черна, ее месть неотвратима.

В вытарашенных глазах господина Кочеткова вспыхнула искра осознания и просветленья, но поздно, поезд ту-ту-у-у: Гуля закончил словесную артподготовку и перешел к активным действиям, схватив хозяина за грудки. Тот – сказала многолетняя привычка – на автомате ответил тем же; спустя лишь мгновение оба матерых человечища, одинаково сопя и взрыкивая, вошли в тесный клинч.

Поперечный стол накренился, хрустя. Белая скатерть поехала влево, шампанские ведерки опрокинулись и покатались, тарелки и бокалы загремели вниз. Дамы разом подскочили и с готовностью завизжали, отчего происходящее сразу стало до неприличия походило на групповое изнасилование в портовом борделе: сама я такого не видела, бог миловал, но представить могу. Свита с охраной, разбрасывая стулья, кинулась на выручку своему шефу, а трое плечистых вышибал рванули на защиту своего. Гром пушек. Топот. Ржанье. Хлоп. Людская молвь и конский топ – почти все, как у классика, за исключением пушек. До них пока дело не дошло.

Теперь можно и уходить. Той же дорогой, по пути открыв чулан – свободна, товарка, и лучше тебе здесь не засиживаться.

Забыла рассказать, из-за чего сыр-бор. Когда долго крутишься в таком бизнесе, мелкие тайны столичных едоков рано или поздно перестают быть тайнами. Скелеты в кухонном шкафу у каждого свои.

Слабое место Юрия Валентиновича Грандова я вызнала без труда. У нас редко встретишь любителя вареного лука, но, пожалуй, только Гуля Останкинский ненавидел его истово, самозабвенно, словно кастрат порнуху. Тут было что-то личное, страстное, фрейдистское: быть может, его этой дрянью перекормили через край на зоне, а может, злая мамаша пичкала в детстве. С юридической точки зрения, мое сегодняшнее преступление даже на хулиганство не тянуло. Так, шалость: я заменила на тарелке свежие луковые кольца вареными. Все остальное свершилось само собой.

Кстати, меня не мучила совесть оттого, что я подпортила юбилей меценату и бизнесмену. Поделом ему. Лет шесть назад мой бывший однокурсник Степа Назарцев, следователь облпрокуратуры и отец двух дочек, был избит железной трубой и провалялся в илизаровских аппаратах все лето и половину осени. Каждый знал, что Назарцева заказал Гуля Останкинский, а вот фактов не было, и дело сначала провисло, а потом прокисло и было закрыто по сроку давности. Пусть теперь Гуле аукнется та подлянка. Я не влезаю в чужие разборки, но когда можно одним выстрелом уделать двух зайцев, то не отказываюсь. Сегодня помогу я, завтра мне.

С обратным превращением блондинки-официантки в Яну я не стала тянуть до дома, вернув свой привычный облик уже на Шаболовке. А если быть точной – в маленькой подсобке семейной кондитерской Черкашиных. И у меня в Москве есть пара мест, где я помогаю бескорыстно. Секрета я из этого не делаю: мое имя – тоже брэнд и охранная грамота заодно. Правда, в отличие от патентованного мецената месье Грандова, я не треплюсь о заслугах на весь свет.

Антонина и Юрий Черкашины знакомы мне давно. В прежние времена оба супруга-кондитера еще кое-как видели, потом началось ухудшение. Когда же у них на двоих осталось пятнадцать процентов зрения, я пресекла любые попытки Антонины мне заплатить. Тем более, идея наша была проста. Большинству граждан, жующих в такт, хватает стандартного десерта – но лишь до тех пор, пока им не встретится что-то особенное. Супруги Черкашины, кулинарные таланты, вслепую могут воплотить в жизнь любые редкие рецепты. Их-то порой и удаётся раздобывать мне, Яне Ефимовне Штейн...

– Вы – Яна Штейн?

Прямой вопрос застал меня врасплох, едва я вышла из кондитерской.

Возле дверей, жуя черкашинское пирожное, околавивался дылда в черной блестящей кожаной куртке. Белобрысый, с правильным жестким лицом, с хорошо выбритым квадратным подбородком и стальными глазами. Словом, типичный племенной немецко-фашистский юберменш, нордическая бестия и надежда рейха.

– Вы – Яна Штейн? – мрачно повторил дылда. – Это так?

Ну вот, с тоскою подумала я, прижимаясь к стене. Допрыгалась ты, Яночка, доигралась. Злопамятный Ленц все же прислал по твою душу киллера-арийца. А у тебя из оружия – одна губная помада!

Глава четвертая Смерть фаворита (Иван)

– Смотрите, я принес! – гордо сказал Тима Погодин и первым делом возложил мне на стол белую канцелярскую папку с траурными черными завязками. – Клянусь вам, такой убойный компромат закопает этого червя на три метра вглубь.

– Червя? – не врубился я. В мозгах у меня еще по инерции копошились тараканы, переползая туда-сюда. – Ты о чем, Тима?

От трибуна Погодина я ждал сегодня сметы массовых мероприятий его однопартийцев на ближайший месяц. Команды закапывать кого бы то ни было я определенно ему не давал. И вообще я сомневаюсь, что лидер партии «Почва» за последние десять лет хотя бы раз работал лопатой. Думаю, инструмента тяжелей столовой ложки он давно и в руках-то не держал. Какие уж там «три метра»!

– Червя, – подтвердил мне трибун, устраиваясь в кресле. – Земляного и склизкого. Да вы почитайте, Иван Николаевич, почитайте. Там коротенько, одни тезисы. Давно я его так не прикладывал! – Тима с гордостью похлопал себя по арбузному брюху, начинавшемуся у него где-то на уровне диафрагмы.

Лет за пять или десять до моего рождения в стране СССР был снят роскошный батальный сериал «Освобождение» – про Великую Отечественную. Впервые я увидел это кино, когда учился в школе, а пересмотрел в новейшие времена. Под другим углом зрения, профессиональным. Раньше, пацаном, я балдел от танковых боев наших «тридцатьчетверок» с вражескими «тиграми». Теперь же меня куда сильнее цеплял клевый фэйс-марк капитана Цветаева, главного их героя: волосики редкие, губы тонкие, щеки впалые, кожа прозрачная и череп просвечивает. Вот, сказал я себе, идеальный экземпляр, модель хай-класса. Истинный слуга народа в России должен быть похож на этого актера, Олялина. Чтобы всяк захудалый бюджетник из города Кисловрищенска с налета опознал в нем социально близкого – бедного, костлявого, несломленного и, ясен перец, своего в доску, на сто процентов.

Эх, кабы у проекта «Погодин» была хоть треть, хоть четверть дивной олялинской фактуры! Я за месяц слепил бы из Тимы первостатейного вождя окаянных масс – Мандела и Валенса отдохнут. Но к сытой роже Погодина харизму народного заступника даже на аркане не подтащишь. Невозможно убедить Шервудский лес, что у Робин Гуда есть второе имя Бобин и фамилия Барабек. И что ему положено быть толстым и прожорливым. Больше всего Тима смахивает на отъевшегося хомяка. Примерно такой же, только размерами помельче, был у меня в детстве. Везде пачкал, шуршал по углам и что-то упорно жевал двадцать четыре часа в сутки.

Хомяку, правда, хватало рыжей шерстки, а Погодин носит сине-зеленый костюм английского сукна, красный шелковый галстук в горох, золотые часы от Картье и мобилу с платиновой панелью. Вдобавок он вечно хвастается, что в своей Дипакадемии овладел, кроме обязательного английского, еще двумя языками: французским и испанским. Может, не врет, подлец, но толку-то! Знание языков вероятного противника нашему кандидату-патриоту сейчас гораздо полезней не светить. Все, что Тиме необходимо, – это бюрократический новояз на базе русского и, разумеется, матерный без словаря. А с иностранными репортерами, если приспичит, можно объясниться на международном языке жестов.

– И кого ты, Тима, прикладываешь? Неужто опять Чванова? Партию «Почва» восемь месяцев назад сколотили два думских

патриота, Погодин с Чвановым. Грызться обе половинки начали почти сразу, а через три месяца окончательно переругались, расплевались, разделились, и Тима – как более хитрожопый – кинулся доказывать в суде, что первый слог дороже второго. А значит, вывеска

«Почвы» целиком принадлежит ему. Поскольку суд у нас в России аб-со-лют-но независим, я не стал досаждать третьей власти глупыми звонками по «вертушке». У граждан судей давно уже развился дар мистического свойства – без напоминаний свыше улавливать в воздухе верные флюиды. Пальму первенства люди в мантиях отдали, натурально, Погодину вместе с кадкой. На месте Тимы другой бы расслабился, но нашему стратегу хренову не терпелось додавить вчерашнего соратника.

Я лениво развязал черные шнурки на папке. Извлек оттуда листок компьютерной распечатки и, ткнув пальцем наугад, зачел вслух из середины фразы длиной в абзац: «...алкоголик, хронический самозванец и псевдодоктор псевдофилософских наук небезызвестный Чванов Константин Васильевич, живущий вне брака, согласно оперативным данным, с шестнадцатилетней школьницей...»

– По паспорту ей восемнадцать, но у меня есть достоверные сведения, что метрика подделана, – доложил Тима. Его распирало самодовольство. Из простого хомяка он все больше превращался в хомяка-Годзиллу съевшего глобус. Оба его защечных мешка были уже под завязку набиты Северной и Южной Америками. – Подсудное дело, Иван Николаевич. Он ей выписал удостоверение помощника депутата и платит зарплату. Выходит, это совращение при исполнении за народный счет. Мы уже подключили спецтехнику, провели спецмониторинг, разработали определенные спецмеры...

К приставке «спец» Погодин испытывал какую-то неизъяснимую тягу. Когда в спецбуфете Госдумы он кушал спецсардельки, сваренные по спецзаказу, то, наверное, сдабривал их спецспециями.

– Тима, сволочь противная, – вздохнул я, – ты сам-то на что казенные бабки выбрасываешь? Я тебе велел частным сыском заниматься? Тебе было велено рейтинг партии поднимать. Сколько еще ты будешь воевать с Костей? Плюнь. Забудь. Он на свою часть названия больше не претендует, ну и не трожь его, Христа ради.

– Он затаился, – тревожно сообщил мне Погодин. – Я его в лифте, в Госдуме, встретил и по глазам понял: он в Страсбург телегу готовит. Надо нанести ему контрудар, пока не поздно. Вы сами сколько раз говорили насчет морального облика на рабочем месте. Если мы докажем всей Европе, что он педофил, ему крышка.

Крупный живот не мешал Погодину оставаться мелкотравчатым субъектом. Политическая борьба для него была склокой на общей кухне, только увеличенной в тысячу раз и оплаченной из чужого кармана. Две недели назад хомяк не поленился обвесить пол-Москвы билбордами, на которых мерзкий мужичонка с лицом Чванова нагло заплевывал асфальт шелухой от семечек. Теперь, похоже, лидер «Почвы» решил слепить из экс-партнера извращенца... Какое бы дело найти хомяку, чтобы отвлечь от этой галиматии?

– Тима, – сказал я ему почти ласково, – пойми же, голубчик, что ты у нас лидер не какой-то вшивой демшизы, а настоящей патриотической партии, суровой и неподкупной. Ты – лицо униженных и оскорбленных, ты – надежда нации, ты – будущий выбор России. Ты – оппозиция компрадорскому режиму, в конце концов. Страсбург? На хрен тебе сдался Страсбург! Тебе на всю Европу насрать с высокой колокольни. Однажды Европа сама к тебе придет, да еще в ножки поклонится.

– Думаете, придет? – Погодин молодецкато выпятил пузо. Щеки у лица униженных и оскорбленных сделались еще шире.

Толстомордость Тимы вынудила меня убить в зародыше отличную идею смены вывески его партии. Невнятную рыхлую «Почву», из-за которой столько дурацкой возни и грызни, я бы чисто по-ленински отдал на фиг крестьянам, а для Погодина учредил бы партию с пассионарным названием «Ну, погоди!» – эдакий мощный гибрид из народности в стиле «Форца, Италия!», упертости в духе галльского «Нацфронта» и нашей ностальгии по

совковым архетипам из любимых мультиков... Увы, в формат историй про волка и зайца образ жирного хомяка никак не вписывался. Третий лишний.

– Приползет Европа на полусогнутых, – заверил я Тиму. – За нефтью и за газом – непременно. Все их капризы кончаются ровно там, где начинается труба. Ты же в юности учил философию, должен помнить: базис – главное, сантименты – потом. Запад, как кошка, привыкает не к человеку, а к месту. Сталина терпели, с Брежневым целовались. Когда станешь президентом ты, и ты будешь хорош.

Услышав последнюю фразу, наш хомяк разулыбался и всколыхнул телеса. В нем – несмотря на английский костюм, два высших образования и три иностранных языка – необъяснимо сочетались хитрость с наивностью. Тима был уверен, что стал игроком первого состава. Он не сомневался, что тип, ему подобный, в тайном кремлевском раскладе может быть главным кандидатом на выборах. Не будь у него такой убежденности, я сразу бы выкинул проект на помойку. Актеришек для вторых ролей подобрать нетрудно, желающих вагон. Однако в нашем деле важен этот самый реализм.

Тем временем довольная гримаса на хомячьем лице уступила место сперва задумчивости, потом беспокойству.

– Иван Николаевич, – Погодин заерзал в кресле, – а мы сегодня какая оппозиция режиму, уже непримиримая или еще конструктивная?

Тима не хуже меня знал, что у активных борцов харизма отрастает быстрее. Время от времени мы устраивали «Почве» небольшие показательные репрессии, снимая с выборов пару-тройку партийных кандидатов. В ответ Погодин исполнял перед телекамерами народные песни о разногласиях с Кремлем. Текстовки собственноручно писал лидер «Почвы», но редактировал их я, вставляя выражения посильнее. Самому Тиме до чертиков не хотелось объявлять режиму джихад, убредать из теплой обжитой Госдумы со спецбуфетом в ближайшие леса и оттуда подстраивать всякие патриотические каверзы раменскому тушинскому, химкинскому и прочим шерифам. Кроме того, Тима обожал себя в телящике. А попробуйте-ка разок провести ток-шоу в сырой землянке или шалаше.

– Непримирым ты станешь за две недели до выборов, – успокоил я Погодина. – Раньше не надо. Пока у тебя статус бельма на глазу у власти, месяца через три дорастешь до язвы, ближе к красной дате начнешь помаленьку превращаться в опухоль.

– А в опухоль доброкачественную или злока... – взялся было уточнять Тима, но тут застрекотал аппарат внутренней связи, и я кратким жестом повелел хомяку заткнуться.

– Что-то срочное, Софья Андреевна? – спросил я в трубку. Когда я принимаю посетителя – даже такого, как Погодин, —

Худякова тактично старается не тревожить меня по ерунде.

– Серебряный на второй линии, – доложила секретарша.

– Ну и..? – поторопил я ее.

Софья Андреевна, добрая душа, все никак не могла привыкнуть, что Серебряный больше мне не начальник. И вообще он, грубо говоря, теперь никто. Просто пенсионер федерального значения с десятком льгот сверх нормы. Спецльгот, как выразился бы Тима.

– Во-первых, говорит, что опять приболел, – стала дотошно перечислять Худякова, – и у него опять сердце. Во-вторых, он хотел бы, Иван Николаевич, с вами срочно обсудить какое-то дело. Он не уточнил мне, какое конкретно. Сказал только, что важное.

Еще год назад у Серебряного никакого сердца не было в помине. Но с тех пор, как он ушел на покой и перешел с коньяка на водку, он тут же сделался большим-пребольшим и стал периодически названивать мне на рабочий номер в служебное время. И всякий раз по важнейшему вопросу всемирного масштаба. Да, конечно же, я помню, Виктор Львович, сколько вы для меня сделали и как вы меня двигали, я это о-о-очень ценю. Я благодарен вам как наставнику, учителю, второму папе и прочее, прочее, пятое-десятое-сотое... Ну сколько

же можно меня доставать, старый ты мудака?! Все слова я тебе сказал. Все подарки сделал. У тебя столько теперь замечательных вещей: уйма времени, дача, домашние тапочки, книги, аквариум. А как помрешь, выделим тебе персональную грядку на Новодевичьем. Зачем тебе еще Ваня Щебнев, а, старик? Зачем?

– Хорошо, – буркнул я, – скажите, я ему перезвоню, когда освобожусь. А вы пока отправьте к нему кого-то из кардиологов ЦКБ, и лучше бы – самого Дамаева. Если Рашид Харисович на операции, пусть съездит сразу как закончит. А если в карты засел играть, пускай прервется. Преферанс для мусульманина – дело святое, понимаю, но упростите его от моего имени...

Разговаривая с секретаршей, я отвлекся от Тимы, на минутку утратил бдительность. И зря. Вместо того чтобы сидеть смиренно, держать ручонки на коленках и есть глазами начальство, Погодин проявил активность. Когда я спохватился, лидер партии «Почва» уже что-то смахивал брезгливо с пухлой ладони на пол... Неужто он осмелился на эгао? Ах негодяй! Ну что за хомяк проклятый!

Выскочив из-за стола, я обнаружил на ковре рядом с гостевым креслом маленький черный труп.

– Обнаглели совсем, – пожаловался Тима, вытирая указательный палец о красную бархатную обивку. – Тараканов на Руси развелось—ужас сколько. Даже до Кремля, смотрите, один добрался. И ведь не испугался меня, скот такой, напролом попер!

Я поднял мертвеца за лапку, внимательно его рассмотрел. Так и есть. Тараканий спорт понес невозможную утрату. Бедный Васютинский пал смертью храбрых. Каким-то образом фаворит сегодняшних гонок смог выбраться из жестянки, покинул запертый ящик стола, отправился в романтическое путешествие по кабинету—и каков финал? Нелепая смерть от пальца жирного Тимы.

Не то что я по-идиотски сентиментален и жизнь отдельно взятого таракана мне хоть сколько-нибудь дорога. Взбесило меня иное: бесстыдное покушение постороннего говнюка на мои властные полномочия. Тима, этот крохотный прыщ на бескрайней жопе Мироздания, похоже, возомнил себя наместником бога. Нет уж, дудки. Кому жить и кому умирать, в этом кабинете решаю я. Я!

Вождь партии «Почва» не раз видел меня сердитым. Но таким сердитым, подозреваю, – еще ни разу. Он поспешно открыл рот, желая оправдаться и, наверное, переложить вину за гибель таракана на своего вечного врага Чванова.

Однако я не дал Тиме даже пискнуть. Я сразу затолкал ему в рот труп Васютинского.

– Ешь! – с ненавистью проговорил я, сжимая ладонью его хомячьи щеки. – Убил дичь? Так жуй ее! И жуй хорошенько. Это последняя, имей в виду твоя жратва оч-чень надолго. Будешь патриотом теперь не на словах, а на деле. Митинги ваши мне осточертели. С этой минуты весь политсовет твоей партии, начиная с тебя лично, объявляет го-ло-до-вку в защиту прав русского меньшинства в... где вы еще не отметились?.. допустим, в Тибете. Ты понял, гад?

– Шажве ф Шижете шешь шужжие? – жалобно спросил у меня из-под ладони Тима. Думаю, это означало: «Разве в Тибете есть русские?»

Не выпуская из руки погодинских щек, я другой рукой дотянулся до клавиши громкой связи:

– Софья Андреевна, срочно проверьте, есть ли русские в Тибете.

Через полминуты голос секретарши из селектора подтвердил мне:

– Точно есть двое, Иван Николаевич. Наши альпинисты Шалин и Болтаев, их как раз сегодня лавиной отрезало от базового лагеря. Утром в новостях передавали три раза.

– Усек? – спросил я у Погодина. – Будете голодать до тех пор, пока эти двое придурков не спустятся с горы. А если они, не дай бог, возвратятся раньше, чем через неделю, то вы без перерыва продолжите голодать – в защиту снежного человека.

И глядя на увядшую от горя морду хомяка, я злорадно добавил:

– Про кремлевскую диету слышал? Считай, ты уже на ней сидишь.

Глава пятая

Киллер за спиной (Яна)

Голову втянуть в плечи, глаза зажмурить, уши заткнуть, дыхание задержать и быстро-быстро молиться про себя – вот, пожалуй, наиболее дурацкий способ встречать врага. Есть вариант получше: по примеру героических предков, защищавших от римлян Масаду можно рвануться в атаку на неприятеля и напоследок вцепиться ему пальцами в горло, а зубами в ухо. Короче, доставить ему своей смертью множество мелких моральных неудобств...

Но я выбрала третий путь, самый простой: швырнула в арийский лоб золоченый цилиндр губной помады и со всех сил драпанула от белокурой бестии вдоль по Шаболовке – благо на мне сейчас были легкие кроссовки-сороходы, а не увесистые танки-сабо или, хуже того, лодочки на шпильке, сломавшие немало женских судеб и ног.

Только не думайте, что я понеслась вперед подобно стремительной лани. Ну да, разбежалась одна такая в обеденное время! Шаболовка, еще недавно скромная и домашняя, за последний год обнаглела и одичала. Уличный фаст-фуд, кажется, решил собрать тут всю возможную дань с желающих иметь гастрит за свои деньги. Гнусные закусовые-заливочные выстроились вдоль трамвайной линии и вели себя, словно заправские рэкетеры. А где толпа густеет, там скорость падает. Любая попытка к бегству становится пыткой.

Человека Спешащего выручают лишь маневренность и острый глаз. Здесь можно только плыть, выискивая глазами просветы в уличном потоке, работая ногами и загребая руками. Иных рецептов нет.

Где-то у меня за спиной мой киллер так же, как и я, старательно плыл и загребал. У меня, правда, была фора. Маленькая. Чистых секунд тридцать – их мне подарила прицельно брошенная помада. Еще секунд десять условно добавим за знание уличной географии.

«Янка, гоу хоум!» – мысленно подбадривала я себя, любимую. Важно было не попасть на стремнину потока, который мог унести вперед и бросить в объятья гамбургеров. Но нельзя было и позволять течению притиснуть тебя к стенам, где скорость падала до нуля, а ты рисковала въехать носом в какую-нибудь шаурму вида ужасного. О запахе ее – умоляю, ни слова! Понюхать и умереть.

Я продирала себя сквозь жующую толпу и сердито думала про то, как России опять не повезло с общепитом. Вместо жизни-зебры нам достался мутант с черными полосками сплошняком. Сперва красные комиссары лет семьдесят отбивали у народа вкус, терзая граждан то минтаем, то макаронами по-флотски. Затем уже капиталисты с кетчупом в жилах пошли склонять нас к побитью рекордов по скоростной еде. Столичный фаст-фуд доказал как дважды два: поле битвы дьявола с богом – вовсе не сердца людей, а их желудки. Бог изобрел бифштекс, жареную картошку и чай с лимоном. Дьявол – хот-доги, чипсы и колу. Компромисс исключен.

Обернувшись на ходу я заметила, что киллер ничуть не отстал и упорно движется в моем фарватере. Наверное, Кеша дал ему за меня неплохой аванс. Хотелось бы знать, сколько я стою. Наверняка это больше тех жалких сотен, не отданных мне Кешей за консультацию. Две трети хваленной мужской логики вообще замешано на упрямстве. Шалун уж приморозил пальчик? Назло бабушке отморозим и уши!

Ленц мог бы, кстати, прилично сэкономить, догадайся он войти в договорные отношения с Липатовым и Кочетковым. Вышла бы складчина. Общак, а по-нынешнему фонд – борьбы с Яной Е. Штейн.

Интересно, можно ли оформить такой Фонд через Регистрационную палату? Ох, Янка, ты опять гонишь. Не зевай, шевели ногами.

Как и пять, и десять метров тому назад, уличные вывески на моем пути приговаривали человеческий голод к дешевым и мучительным видам казни. Еда-гаррота. Еда-аутодафе. Еда-гильотина. Уважаемых москвичей и гостей столицы звали сокращать церемонии и изживать канитель. Не вкушать, но жрать. Не наслаждаться процессом, но хавать на ходу, дыша горчицей с перцем, утираясь галстуком.

«Горячие куры гриль». Мрак. «Сосиски в тесте». Жуть. «Пончики». Кр-р-расота. «Пирожки с яйцом». Хамите, парниша? «Сэндвичи от Свиридова». Хо-хо. «Гробы в сметане навывнос»... О господи! Нет, померещилось – это «Грибы в сметане навывнос». Уж наверняка не трюфели, а мокрые липкие шампиньоны. Не выношу.

Я снова вывернула шею: не отстаёт, ариец. Расстояние между нами покуда не сократилось, однако и неросло. Хорошо ещё, законы физики сегодня за меня: у того, кто размером больше, площадь сопротивления среде тоже гораздо больше. Он сильнее, зато я компактнее. Толпу раздвигать сложнее ему, чем Яночке Штейн, юркой как ящерка. Мне бы сейчас не терять темпа хоть минуту-другую, а там уж я сумею оторваться – есть одна идея.

Среди дрянных обжорок и забегаловок изредка попадались приличные заведения – жаль, отличить их от барахла навскидку могли только профи. Те же «Черкашинские пирожные», например, держались на достойном уровне. Или вон эти «100 мясных салатов», справа по моему курсу, пока не исхалтурились, работают без тухляка.

И ещё на Шаболовке, чуть не доходя Конного переулка, пару лет назад открылся «Блиндаж» – полуподвальчик афганского ветерана Лени Бессараба. Дядя Леня остался без ноги, но с руками и с чувством юмора. В госпитале, под общим наркозом, к Бессарабу – так он рассказывал сам – пришло яркое видение: стоит дерево в центре Кабула, и на ветках вместо листьев, вообразите, блины!

Сперва, ещё до перестройки, дядя Леня не мог истолковать свой сон. Затем въехал в тайный шифр видения, но не мог найти денег на мечту. Лишь недавно желания ветерана объединились с его возможностями. Блинное дерево из афганского сна переключалось на вывеску; в самом же полуподвальчике клиент имел право выбрать любую из полусотни начинок. Здесь было всё – от классических блинчиков с мясом до жареных во фритюре бурреков с тертым сыром. По заказу дяди Лени я высчитала оптимальный баланс цены и качества для средней порции его блинов с икрой. Конечный результат обязан был стоить не дороже пиццы, а содержимое – сохранить вкус икры. И он был, этот вкус, можете мне поверить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.